

МАРИНА ЛИС

РЕЦЕПТ ИДЕАЛЬНОГО УБИЙСТВА

от КОТА-БАРИСТЫ

Марина Лис

**Рецепт идеального
убийства от кота-баристы**

«Автор»

2026

Лис М.

Рецепт идеального убийства от кота-баристы / М. Лис —
«Автор», 2026

Эмма Блэквуд сбегает из Лондона в тихий Истбридж, чтобы открыть кофейню и забыть о неудачах. Но в первый же день её посетитель умирает, а на пороге появляется древняя книга, которую находит рыжий кот Мерлин. Вскоре выясняется: Мерлин — не просто кот, а заколдованный маг, а сама Эмма — перерождённая ведьма, сожжённая на костре пятьсот лет назад. Теперь ей предстоит вспомнить магию, раскрыть убийство и найти предателя, который скрывается под маской друга. Враг вернулся, и на этот раз он не остановится ни перед чем. Уютные английские пейзажи, ароматный кофе с корицей, картофельный пирог по старинному рецепту и остроумный кот-бариста — в ироническом детективе, который заставит вас улыбнуться и замереть от неожиданных поворотов. Смогут ли Эмма и Мерлин разоблачить убийцу? Или правда окажется страшнее магии? «Рецепт идеального убийства от кота-баристы» — это детектив, который хочется читать с чашкой кофе и улыбкой на лице. Идеально для поклонников Дарьи Донцовой и уютных мистических историй.

© Лис М., 2026

© Автор, 2026

Марина Лис

Рецепт идеального убийства от кота-баристы

«Рецепт идеального убийства от кота-баристы»

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1. Горький привкус нового начала

Глава 1: «Истбридж и его скелеты».

Глава 2: «Мерлин — не просто имя».

Глава 3: «Первый клиент».

Глава 4: «Мокко для призрака».

Часть 2. Расследование по рецепту

Глава 5: «Плохие новости и картофельный пирог».

Глава 6: «Враг номер один».

Глава 7: «Завтрак с привидением».

Глава 8: «Тайна старого антиквара».

Глава 9: «Фальшивая улика».

Часть 3. Последний ингредиент

Глава 10: «Смертельный аромат».

Глава 11: «Кот в мешке».

Глава 12: «Истина в кофе».

Глава 13: «Счастливый финал по-истбриджски».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГОРЬКИЙ ПРИВКУС НОВОГО НАЧАЛА

Глава 1. Истбридж и его скелеты

Если вам кажется, что начинать новую жизнь легко, значит, вы никогда не пытались сделать это с тремя чемоданами, заржавевшим чайником и котом, который смотрит на вас с таким выражением морды, будто вы лично виноваты в падении Константинополя.

— Ну, Мерлин, — сказала я, вцепившись в баранку старенького «форда» так, что побелели костяшки. — Добро пожаловать в Англию. Ту самую, где, по слухам, даже у ежей есть родословная, а у каждого второго дома — привидение.

Мерлин мудро промолчал. Он сидел на пассажирском сиденье, поджав под себя пушистый рыжий хвост, и напоминал собой не столько домашнего любимца, сколько уставшего от жизни восточного деспота в ссылке. Его янтарные глаза равнодушно скользили по проплывающим за окном изумрудным холмам, и можно было поклясться, что в глубине этих глаз притаилась скука человека, который уже сто лет назад видел такие пейзажи и счел их банальными.

Впрочем, если верить сплетням, которые я сама же и придумала вчера вечером, чтобы развлечь себя в придорожном мотеле, мой кот — вовсе не кот. А заколдованный ирландский друид, сосланный в это тело за неудачную шутку над королевой фей. Честно говоря, эта версия объясняла многое. Например, то, почему он каждое утро требовал себе не «Вискас», а овсянку с медом. Или почему он никогда не играл с клубком ниток, а предпочитал изучать мои счета за электричество, гипнотизируя их взглядом.

Я вздохнула и нажала на газ. «Форд» с жалобным всхлипом подчинился.

Истбридж показался внезапно. Один миг — и ты едешь по пустынной дороге, следующую секунду — и перед тобой раскинулся настоящий английский городок с открытки. Белокаменные домики с черепичными крышами теснились вокруг древней рыночной площади, в цен-

тре которой возвышалась статуя какого-то усатого джентльмена на коне. Статуя была покрыта налетом зелени, но джентльмен выглядел довольным жизнью — вероятно, потому что ему не нужно было платить за парковку.

— Видишь, Мерлин? — я остановилась прямо посреди улицы, к счастью, абсолютно безлюдной. — Это наша земля обетованная. Здесь мы будем печь круассаны, заваривать лунный кофе и забыть все, что было в Лондоне.

Мерлин даже не шевельнулся. Но мне показалось, что его правый ус слегка дернулся в ироничном жесте. Дескать, «девочка, не строй иллюзий, в Истбридже, как и везде, пахнет только деньгами и старыми обидами».

Мне следовало прислушаться к своему коту. В конце концов, он провел последние четыре года в моей однокомнатной квартире в южном Лондоне, где успел изучить мою жизнь до мельчайших подробностей. Он знал, когда у меня будут проверки на работе, когда я тайком плакала в ванной, и даже когда мой бывший, Дэвид, врал мне, что задерживается в офисе. Мерлин тогда смотрел на Дэвида с таким пренебрежением, что тот нервно чесал затылок и предлагал сходить к ветеринару — проверить коту мозги. А ума у Мерлина было больше, чем у всего руководства рекламного агентства «Брайт-Медиа», вместе взятого.

Я выключила двигатель, и нас накрыла звенящая тишина. Лондонская глухая пробка, вой сирен и вечный шум метро остались там, за горизонтом. Здесь же воздух был настолько чистым, что казалось, его можно было жевать.

Наша цель — и, если честно, последняя надежда на финансовое спасение — маячила на углу Кирпичной улицы. Когда я прочитала объявление о продаже недвижимости, я влюбилась в это место заочно. «Небольшое помещение на первом этаже, 1820 года постройки, с видом на городской фонтан». Звучало как приговор к счастью.

Вживую кофейня выглядела как персонаж фильма. У нее была застекленная витрина викторианских времен, краска на фасаде облупилась до приятного, «состаренного» состояния, а над входной дверью все еще висела кованая вывеска, с которой буквы стерлись настолько, что можно было угадать лишь «...house».

— Ну, здравствуй, «Дом», — прошептала я, вылезая из машины. Мои туфли — нелепый выбор для провинции, каблуки, которые я забыла поменять на удобные кроссовки — жалобно стукнули по булыжной мостовой. — Давай знакомиться.

Дверь оказалась незаперта. Внутри пахло веком, сухой штукатуркой и, как это ни странно, имбирем. Предыдущий владелец, как объяснил мне агент по телефону, мистер Грегори, съехал «внезапно и таинственно», забрав лишь свои любимые чайные ложки и оставив весь остальной хлам в назидание будущим владельцам.

Хлама было много. На полках громоздились коробки, на подоконниках — горшки с засохшими кактусами, а в углу стоял массивный дубовый прилавок, который, судя по вмятинам на столешнице, пережил, наверное, несколько войн.

Мерлин, не дожидаясь моего приглашения, грациозно спрыгнул с сиденья, проскользнул в приоткрытую дверь и принялся обходить свое новое королевство. Он задиристо фыркнул на кактус, потерся мордой о ножку прилавка и, наконец, уселся прямо на середину пустого зала, развернувшись мордой к входу. Поза его была такой: «Я — главный. Вы все — гости. Ведите себя прилично».

— И тебе тоже привет, — буркнула я, с трудом удерживая в руках сумку с ноутбуком и термосом. — Надеюсь, ты не планируешь превратить это место в штаб мирового господства?

Мерлин моргнул один раз. Медленно. Как будто отвечая: «Рано еще. Сначала оценим масштаб бедствия».

Я начала осмотр. Под ногами скрипели половицы, в углу обнаружилась старая кафельная печь, которая выглядела так, будто в ней топили еще во времена Чарльза Диккенса. Несколько стульев с резными спинками жалобно ждали, когда их отреставрируют.

Я провела рукой по деревянной стойке, и в этот момент у меня за спиной раздался вежливый, но твердый кашель.

Я подскочила на месте так, что чуть не приземлилась прямо на Мерлина. Кот, однако, проявил чудеса реакции — он только дернул хвостом, будто сказал: «Ты слишком шумная, человеческая особь».

На пороге стоял невысокий мужчина с лицом, напоминающим спелый помидор в очках. Его костюм, строгий до невозможности, казался здесь, в этой пыльной дыре, таким же неуместным, как маскарадный костюм на похоронах. Он сжимал в руках коричневый портфель, а его взгляд выражал смесь профессиональной вежливости и любопытства уличного кота, который только что обнаружил странное животное.

— Мисс Блэквуд? — спросил он с таким произношением, будто пережевывал каждое слово. — Уолтер Пим, представитель муниципального совета Истбриджа. Здравствуйте. Я должен был встретить вас с ключами и... — он обвел рукой помещение, — ...вводным курсом по местным правилам.

Мерлин окинул Уолтера Пима взглядом, в котором было больше презрения, чем у голодной тигрицы. Я проигнорировала мнение кота и изобразила свою самую обаятельную улыбку, ту самую, которой я когда-то обезоруживала сумасшедших клиентов в «Брайт-Медиа».

— Мистер Пим, какая приятная неожиданность! Признаюсь, я не ждала личного визита.

— Истбридж — город маленький, — сказал он, аккуратно ступая через лужу краски, оставшуюся от предыдущего владельца. — Ваш приезд, скажем так, уже стал предметом обсуждения. Особенно в контексте... э-э... вашего предшественника.

Мы подошли к стойке. Мерлин, как опытный оперативник, бесшумно перебрался на прилавок и сел так, чтобы слышать каждое слово. Я мельком подумала о том, что в следующей жизни мне стоило родиться котом — хотя бы для того, чтобы иметь законное право лезть в чужие разговоры.

— А что случилось с мистером Грегори? — спросила я, искренне пытаюсь сделать голос небрежным. — Я думала, он просто вышел на пенсию.

Уолтер Пим многозначительно замаялся. Он снял очки и протер их платком, хотя на стеклах не было ни пылинки. Этот жест сразу насторожил меня: когда люди начинают протирать идеально чистые очки, они готовятся либо врать, либо рассказывать вам такую страшную тайну, что после неё вы начнете запираться в туалете на ночь.

— Мистер Грегори, — начал он медленно, как диктор в криминальном сериале, — был человеком, скажем так... увлеченным. Он верил в то, что Истбридж стоит на древнем лей-линии. Это такие... энергетические каналы Земли. И что его кофейня — это, в некотором смысле, «врата».

Мерлин наострил уши. Я прыснула, но тут же подавила смех, увидев серьезное лицо мистера Пима.

— Врата? Вы шутите. Врата в страну Оз?

— Вряд ли, — сухо ответил Пим. — Но месяц назад мистер Грегори исчез. Оставил дверь открытой, чайник на плите и записку на прилавке. Всего одно слово. Можете сами взглянуть.

Он неловко потянулся к полке за стойкой и извлек оттуда помятый листок бумаги. На нем был четкий, нервный почерк, который, казалось, кричал о безумии. Я поднесла листок к свету. Там стояло всего одно слово, но оно впечаталось в мою сетчатку:

«ЗАБУДЬ».

— Забудь? — переспросила я. — Забудь что? Кофе? Рецепт? Адрес?

— Никто не знает, — пожал плечами мистер Пим, возвращая листок на место. — Полиция не нашла следов. Поисковые группы просто развели руками. Город поделился на два лагеря: те, кто считает, что беднягу похитили инопланетяне, и те, кто считает, что он просто свихнулся и ушел в лес. Мы склоняемся к последнему. Но... — он понизил голос до шепота,

который заставил мурашки пробежать по моей спине, — ...у местных старух есть другая версия. Говорят, что у Грегори была древняя книга. Гримуар. И что когда он открыл ее на определенной странице, то... увидел то, чего видеть не должен был.

Я открыла рот, чтобы сказать что-то умное, но Мерлин опередил меня. Он издал низкий, вибрирующий звук — нечто среднее между мурлыканьем и рычанием. Я насторожилась.

— Мистер Пим, — перебила я, чтобы разрядить обстановку, — я очень надеюсь, что в вашей скороговорке нет ни слова правды. Потому что я приехала сюда за спокойной жизнью. Я хочу печь булочки, а не искать врата в параллельный мир.

Пим снова протер очки и натянуто улыбнулся.

— Конечно-конечно, мисс Блэквуд. Я просто предупреждаю вас, как местный старожил. Истбридж... он пахнет не только лавандой и дождем. У него есть скелеты в шкафу. И поверьте, некоторые из них не слишком хорошо скрыты.

Он вручил мне связку старых, ржавых ключей, добавил пару слов про то, как оплачивать счета за воду, и исчез за дверью быстрее, чем появляется улыбка на лице английского биржевого маклера.

Я осталась одна. Ну, почти одна.

— Мерлин, — прошептала я, глядя на кота. — Ты это слышал? «Гримуар», «врата», «исчезновение». Как думаешь, этот Пим просто пытается меня запугать, чтобы я продала помещение подешевке?

Мерлин спрыгнул с прилавка и деловито, как заправский сыщик, подошел к дальнему углу комнаты. Там, за грудой пустых картонных коробок, я заметила нечто странное. Мерлин лег на пол, засунул лапу под плинтус и... вытащил на свет тощий потрепанный том в кожаной обложке, покрытый слоем пыли такой толщины, что на нем можно было писать пальцем.

Я застыла. Мерлин сидел рядом с книгой, гордо подняв голову. Его взгляд, обращенный ко мне, просто кричал: «Ну что, наивная особа, все еще веришь в случайность?»

— Это просто старый справочник, — сказала я самой себе, но руки уже тянулись к книге. — Наверняка какой-то сельскохозяйственный журнал...

Я открыла книгу.

На первой странице витиеватым старомодным шрифтом было выведено нечто, отчего у меня перехватило дыхание:

«Заветы крови. Для тех, кто помнит путь. Остерегайся полночной луны — в ней отражаются истинные лица».

Я захлопнула книгу так быстро, что поднялось облако пыли. Мерлин чихнул и выразительно посмотрел на меня, мол, «я же говорил».

Снаружи, в тишине Истбриджа, вдруг громко и отчетливо пробили часы на городской ратуше. Пробили не двенадцать, как следовало бы по времени, а... тринадцать раз. Тринадцать.

Я вздрогнула, прижимая к груди пыльный фолиант, от которого пахло сыростью, старым пергаментом и очень, очень древней тайной. Мерлин лениво зевнул, обнажив острые, как лезвия, клыки, и я могла бы поклясться, что в его мурлыканье слышалось что-то вроде фразы:

«Добро пожаловать в Истбридж, дорогая. Скелеты уже танцуют в твоём шкафу».

Я стояла в пустом зале, сжимая в руках книгу, и все мои планы об «идеальном капучино» и «спокойной жизни» казались мне теперь смешными. Потому что в дверном проеме, глядя на меня сквозь заляпанное дождем стекло, стояла высокая фигура в плаще. Она не двигалась. Она просто смотрела. Смотрела на меня. Нет, не на меня. Она смотрела на книгу у меня в руках.

И когда я моргнула, фигура исчезла.

— Мерлин, — прошептала я, пятясь к стойке. — Ты это видел?

Мерлин не ответил. Он просто сидел и смотрел в окно так пристально, будто видел там нечто, что я, в силу своей человеческой ограниченности, разглядеть не могла.

Я медленно, зачем-то на цыпочках, подошла к окну, и с облегчением выдохнула — там никого не было. Только мокрый асфальт, осенний лист, прилипший к стеклу, и уличный фонарь, который зажегся на пару часов раньше положенного.

— Итак, — сказала я, поворачиваясь к коту. — У нас есть заброшенная кофейня, записка с таинственным «забудь», книга по магии, пропавший хозяин и призраки на улице. Добро пожаловать в новый бизнес, Эмма Блэквуд.

Я засмеялась. Смех вышел нервным и чуть-чуть истеричным, эхом разнесся по пустому помещению, подпрыгнул к потолку и затих где-то в углу у старой печки.

Мерлин посмотрел на меня так, как может смотреть только тот, кто уже полторы тысячи лет наблюдает за человеческой глупостью. Затем он устало прикрыл глаза, поджал под себя лапы и, по-видимому, решил, что на сегодня его миссия по спасению моего разума выполнена.

Я сунула книгу обратно на стойку, накрыла ее сверху какой-то тряпкой и пошла в крошечную кладовку, чтобы найти чайник. Если у меня и будет сегодня первая ночь в Истбридже, то хотя бы с чашкой горячего чая.

В конце концов, что может пойти не так в городе, где даже привидения, судя по всему, ходят только в дождь? Я ошиблась. Дождь шел всегда. И в Истбридже шли не только дожди.

За окном снова, настойчиво и требовательно, пробили часы. Тринадцать раз. Опять. На этот раз уже нельзя было сказать, что я ослышалась. Я замерла с чайником в руке, глядя на Мерлина.

Кот, не открывая глаз, лениво шевельнул кончиком хвоста, будто говоря: «А я тебя предупреждал, дуреха».

И в этот момент я точно поняла: моя новая жизнь в Истбридже начнется не с утреннего кофе, а с ответа на вопрос, который Уолтер Пим так боялся задать: что же на самом деле случилось с мистером Грегори?

Но это будет завтра. А сегодня у меня была кровать в съемной комнате на другой стороне города, и я собиралась добраться до нее как можно быстрее.

— Мерлин, пошли, — позвала я кота. — С меня хватит скелетов на сегодня.

Мерлин встал, нехотя потянулся, задев хвостом книгу, и направился к выходу. Но у дверей он обернулся. И, если я хоть что-то понимаю в кошачьих взглядах, он посмотрел на то место, где стояла книга, с таким выражением, которое обычно бывает у владельцев банковских сейфов, проверяющих, на месте ли слитки золота.

Он знал. Он точно знал, что там написано. И, судя по всему, он собирался рассказать мне это, но не сегодня. Сегодня его ждал пропущенный обед, а моя — сон без сновидений.

Я заперла дверь, которая, к моему облегчению, защелкнулась с нормальным, не мистическим, а вполне себе механическим щелчком. И мы ушли в дождь.

Но когда я села за руль, я заметила в зеркале заднего вида кое-что.

На витрине моей новой кофейни, на внутренней стороне окна, кто-то нарисовал пальцем на запотевшем стекле размытый символ. Я не разобрала, что именно. Похоже на круг с тремя перекрестными линиями.

Я протерла глаза — дождь, игра теней, усталость. Наверняка это просто рисунок, оставленный детьми.

Но я знала, что это неправда.

И Мерлин знал тоже.

Глава 2. Мерлин — не просто имя

Сдается мне, что у каждого человека в жизни наступает момент, когда он смотрит на своего кота и отчетливо понимает: этот пушистый нахал знает о тебе больше, чем твой собственный психотерапевт. И если бы он умел говорить, то давно бы уже издал мемуары под

названием «Как я выживал среди этих двуногих идиотов» или, на худой конец, «Двадцать способов заставить человека открыть банку с тунцом, даже если он умирает с похмелья».

Я сидела на полу своей съемной комнатухи, которую сняла на две недели у местной вдовы миссис Макбрайд. Комнатуха была крошечной, как носок эльфа, но зато в ней пахло сушеными травами и старой мебелью, а из окна открывался вид на задний двор, где обитал огромный лохматый пес по кличке Барни, который лаял на всё, что движется, и на то, что не движется, тоже.

Мерлин сидел на подоконнике. Он не просто сидел — он *восседал*. Его рыжая шерсть отливала медью в свете тусклой лампы, которую я одолжила у миссис Макбрайд, и он казался не домашним питомцем, а древним божеством, случайно принявшим облик животного, чтобы понаблюдать за человеческим родом. Он взирал на меня сверху вниз с таким непередаваемым выражением, будто я была его любимым, но крайне раздражающим телевизионным шоу.

— Мерлин, — сказала я, подтягивая колени к груди и обхватывая их руками. — Давай поговорим. По-человечески. Я знаю, что ты понимаешь меня. Ты всегда все понимал. Ты понимал, когда я врала Дэвиду, что у меня все хорошо. Ты понимал, когда я рыдала в подушку, потому что в «Брайт-Медиа» меня опустили ниже плинтуса на планерке. Ты даже понимал, когда я случайно купила тебе корм со вкусом индейки, а ты терпеть не можешь индейку. Ты тогда развернулся и демонстративно нагадил в мои новые туфли, черт бы тебя побрал.

Мерлин моргнул. Один глаз, потом второй. В этом моргании было ровно столько же снисходительности, сколько у королевы Елизаветы, когда ей показывают очередного бестолкового премьер-министра.

Он медленно, с королевским достоинством, спрыгнул с подоконника и подошел ко мне вплотную. Рыжий хвост качнулся, как маятник, и Мерлин уселся прямо напротив меня, положив передние лапы на мои колени. Если коты умеют строить из себя психотерапевтов, то Мерлин прошел всю необходимую аккредитацию и даже получил премию за лучшую работу с травмированными клиентами.

— Знаешь, — продолжила я, чувствуя себя полной дурой, потому что разговаривать с котом вслух — это уже диагноз, но мысль о том, что этот диагноз мне поставит мой бывший бойфренд, добавляла разговору особую пикантность, — когда я решила сбежать из Лондона, я думала, что проблема была в городе. Шум, суета, вечные пробки, начальник, который считает, что «креатив» — это когда ты приносишь ему кофе без сахара, хотя он просил с сахаром. А потом я поняла. Проблема была не в Лондоне. Проблема была во мне.

Я сделала паузу, чтобы оценить эффект. Мерлин зевнул. Широко. Так, что я увидела его розовый язык и острые клыки. Его зевок был настолько красноречивым, что без труда переводился как: «Ты только сейчас это поняла? Я знал это еще в тот день, когда ты купила свою первую квартиру в ипотеку и думала, что это хорошая идея».

— Но знаешь, — сказала я, поднимая палец к небу, как делают великие ораторы перед тем, как выдать сногшибательную истину, — я готова все изменить. Я купила эту кофейню. Я буду печь круассаны. Я буду заваривать кофе с корицей. Я буду счастливой. Потому что в Истбридже я никому ничего не должна. У меня нет кредитов, нет Дэвида, нет начальника, который бы говорил, что мой отчет «недостаточно сияющий».

Мерлин фыркнул. Он фыркнул так выразительно, что я на секунду засомневалась, не обидела ли я его своим оптимизмом. Затем он поднял лапу и ткнул ею в мою сумку, которая валялась рядом.

— Ты хочешь, чтобы я взяла сумку? — не поняла я.

Он снова ткнул. Настойчивее.

Я расстегнула молнию и заглянула внутрь. В сумке лежал мой ноутбук, пакет с печеньем, которое я купила на заправке, и... та самая книга. Книга, которую Мерлин нашел под плинтусом в кофейне. Я совершенно забыла, что сунула ее туда, когда убегала под дождем.

Я медленно достала книгу. Она была тяжелой. Не физически — она весила не больше стандартного романа в мягкой обложке, — но словно бы внутри нее было спрессовано нечто большее, чем просто страницы. Кожаный переплет, потрескавшийся от времени, пах плесенью, старыми библиотеками и чем-то еще. Чем-то, что я не могла определить.

— Ты хочешь, чтобы я это прочитала? — спросила я, и мой голос прозвучал чуть выше, чем нужно. — Мерлин, я не знаю, что это. Это может быть какой-то дневник сумасшедшего, или бухгалтерская книга, или даже кулинарная книга, которую написал человек, которому не хватило денег на нормальную обложку. Зачем мне это читать?

Мерлин не ответил. Он просто уставился на меня. Его янтарные глаза, казалось, расширились, и в их глубине я разглядела нечто, что заставило мое сердце пропустить удар. В этих глазах мелькнул... зеленый отблеск. Вспышка изумруда. Всего на секунду.

И в этой секунде я перестала быть скептиком. Я перестала быть здравомыслящей женщиной, которая верит только в факты и кофе. Я стала той, кто сидит на полу в комнате в маленьком английском городке и понимает: ее кот — не просто кот.

— О Господи, — прошептала я, прижимая книгу к груди, как спасательный круг. — Ты и правда... это.

Мерлин медленно, с чувством собственного достоинства, кивнул. Да, он кивнул. Кот. Мой кот. Которого я подобрала три года назад на помойке в Южном Лондоне, когда он был маленьким, грязным и пищал так жалобно, что я не могла пройти мимо, хотя в тот момент я была в состоянии «я так устала, что готова отдать последнюю почку за такси». Он посмотрел на меня тогда теми же янтарными глазами, и я, не раздумывая, забрала его домой, вымыла, накормила и назвала Мерлином, потому что он сидел на батарее, грелся и выглядел так, словно вот-вот пошлет меня в Ирландию за священным граалем.

Я думала, что это просто совпадение. Что котята с таким умным взглядом не редкость. Что мое воображение разыгралось, потому что я перечитала всего Роулинг и смотрела слишком много сериалов.

Оказывается, воображение тут ни при чем.

— Скажи мне, — выдавила я, пытаюсь сохранить хоть каплю самообладания. — Ты ведь говоришь? Ты можешь говорить, но просто не хочешь? Или у тебя есть какие-то ограничения? Или ты только на кошачьем? Потому что я не очень разбираюсь в кошачьем, я могу только по мяу различать, что ты голоден, а когда ты мяукаешь так, будто тебя режут, ты просто хочешь внимания. Это не считается за диалог.

Мерлин открыл рот. Я затаила дыхание, готовая услышать звучный баритон, или, может быть, старческий скрипучий голос, или даже мелодичный тенор, который бы соответствовал его величавой внешности.

Он издал звук. Это было мяу. Обычное, совершенно кошачье, слегка удивленное мяу, которое означало: «Чего ты от меня хочешь, женщина? Я не могу говорить! У меня лапы!»

Я разочарованно выдохнула.

— То есть ты можешь кивать, но не можешь говорить? Это просто жесть какая-то, Мерлин. Ты древний маг, заточенный в тело кота, но у тебя нет голосовых связок? Это какой-то бракованный заколдованный артефакт. Тебе нужно подавать на производителей в суд за некачественное колдовство.

Мерлин закатил глаза. Я готова поклясться, он закатил глаза. Это был такой человеческий жест, что я на секунду забыла, как дышать.

Он поднял лапу, постучал когтем по книге, а затем показал на меня. Мол, читай. Просто читай. И ты все поймешь.

Я посмотрела на книгу. Кожаная обложка была испещрена странными символами, которые я приняла за вычурный орнамент. Но теперь, присмотревшись, я поняла: это не орнамент. Это буквы. Древние, незнакомые буквы, которые, тем не менее, складывались в слова. Каким-

то образом я знала, что они означают. Я смотрела на них, и в моей голове рождались звуки, хотя я не могла бы сказать, на каком языке это написано.

Я открыла книгу на той же странице, что и в кофейне.

«Заветы крови. Для тех, кто помнит путь. Остерегайся полночной луны — в ней отражаются истинные лица. Тот, кто ступил на тропу, должен знать: каждый шаг записан в песке, и песок этот — время. Когда песок кончится, тропа закроется навсегда. Помни имя того, кто был до тебя, и имя того, кто придет после. Ибо Заветы не прощают забвения».

Я перевернула страницу. На следующей был рисунок. Старый, выцветший, но такой четкий, будто его нарисовали вчера. На рисунке был изображен кот. Рыжий кот с янтарными глазами, сидящий на коленях у женщины в длинном плаще. Женщина держала в руках чашу, из которой шел пар. Кот смотрел на нее с выражением, которое я узнала бы из тысячи. Это был Мерлин. Тот самый взгляд — снисходительный, умудренный, чуть-чуть насмешливый.

Под рисунком была надпись, сделанная той же рукой, что и на первой странице:

«Мерлин. Имя, данное не для красоты. Имя, данное для памяти. Тот, кто носит его, был свидетелем семи королевств и трех миров. Он помнит, как падал Рим, как замерзал Темз, как горели ведьмы на кострах. Он — страж пути. Не смейся над его именем, ибо оно старше твоего города и твоего рода. Если ты читаешь это, значит, он выбрал тебя. Или ты выбрала его. Что вероятнее. Вселенная не терпит случайностей».

Я подняла глаза на Мерлина. Он сидел на прежнем месте, но его поза изменилась. Он больше не выглядел как обычный кот, уставший от жизни. Он выглядел как свидетель, как хранитель, как тот, кто несет на своих пушистых плечах груз веков.

— Ты видел, как падал Рим? — спросила я, и мой голос дрожал так, будто я стояла на краю обрыва. — Ты был там? Ты видел, как горели ведьмы? Мерлин, это... это невозможно. Это же было, ну, две тысячи лет назад. Ты не можешь быть таким старым.

Мерлин прищурился. В его глазах снова мелькнул изумрудный отблеск, и я почувствовала, как по комнате пробежал сквозняк, хотя окна были закрыты. Свеча на подоконнике — та самая, которую я зажгла для уюта, — заколыхалась, и на стенах заплескались длинные тени.

И в этот момент я услышала голос. Он не был громким. Он не исходил изо рта Мерлина, который по-прежнему был плотно сжат. Он исходил откуда-то изнутри меня, как будто моя собственная голова решила подшутить надо мной и начала транслировать не мой внутренний монолог.

«Ведьмы не горели, Эмма. Их сжигали. Разница есть. И да, я был там. И я видел, как ты, в прошлой жизни, стояла на костре и смотрела на меня, как на предателя. Ты была ведьмой. Ты была моей ведьмой. И ты погибла, потому что я не смог тебя защитить. Это было пятьсот лет назад. И с тех пор я ищу тебя. Каждое твое перерождение. И каждый раз я нахожу тебя, и каждый раз я не могу спасти тебя, потому что проклятие Заветов сильнее меня».

Я выронила книгу. Она глухо шлепнулась о пол, но не раскрылась. Мерлин — или то, что было внутри Мерлина — сделал шаг вперед. Он приблизился ко мне, положил свою тяжелую рыжую голову мне на колени и закрыл глаза. Его дыхание было ровным, спокойным, почти человеческим.

— Это не ты говоришь, — прошептала я. — Это книга. Книга говорит со мной. Это просто галлюцинация. Я устала, я не ела с утра, я переволновалась.

Но я знала, что это неправда. Голос был слишком отчетливым, слишком настоящим. И когда я снова открыла книгу, на следующей странице оказался текст, которого я не видела раньше. Он просто появился там. Чернила, которые только что были выцветшими, бледными, превратились в свежие, темно-синие, будто их написали минуту назад.

«Ты не сошла с ума, Эмма. Ты просто наконец-то открыла глаза. Ты всегда знала, что Мерлин — не просто кот. Ты чувствовала это, когда он смотрел на тебя. Ты знала это, когда

он находил те вещи, которые ты теряла. Ты знала это, когда он не давал тебе выйти замуж за Дэвида — да, я предупреждал тебя, что он мошенник, но ты не слушала. Ты думала, что я просто ревную. Я ревновал. Я ревновал тебя к нему, потому что он не стоил тебя. И я ревную тебя ко всему миру, потому что мир не стоит тебя, Эмма. Ты — единственная, кто помнит. Единственная, кто видит. Ты не знала этого, потому что я стер твою память, чтобы ты могла жить без боли. Но теперь я вижу: боль пришла сама. Лондон, Дэвид, «Брайт-Медиа» — все это было испытанием. И ты выдержала. Ты пришла сюда. В Истбридж. Ты пришла к месту силы. К началу. К себе настоящей».

Я сидела, не в силах пошевелиться. Слезы текли по моим щекам, и я не вытирала их, потому что они были не моими. Они были какими-то древними, тяжелыми, как ртуть. Они пахли солью и пеплом.

Мерлин поднял голову. Он посмотрел на меня, и в его взгляде больше не было насмешки. Там была боль. Та самая боль, которую я иногда замечала в его глазах, когда он сидел у окна и смотрел на дождь.

— Ты... ты помнишь меня? — спросила я, и мой голос был похож на шепот ребенка, который только что узнал, что Дед Мороз не существует, но вместо этого узнал, что существует волшебство, но оно грустное.

Мерлин медленно моргнул. Это было «да». Это было самое честное «да», которое я когда-либо получала в своей жизни.

— И что мне делать? — спросила я. — Что я должна сделать, чтобы... чтобы все изменить? Чтобы помочь тебе? Чтобы снять проклятие?

Мерлин поднял лапу и ткнул в книгу. Снова. Он ткнул в страницу, где был нарисован кот и ведьма, и его коготь задел край рисунка. Я присмотрелась. Там, в углу, была надпись маленькими, почти неразличимыми буквами:

«Он будет молчать, пока ты не произнесешь его настоящее имя. Настоящее имя того, кто внутри него. Но будь осторожна. Имена имеют силу. И когда ты назовешь его, он обретет голос. А ты обретешь судьбу».

— Настоящее имя, — пробормотала я, хватаясь за эту ниточку, как утопающий за соломинку. — Ты хочешь, чтобы я назвала тебя не Мерлином? Ты хочешь, чтобы я назвала тебя тем, кем ты был до того, как стал котом?

Мерлин замер. Он замер так, будто от моего ответа зависела жизнь всей Вселенной. Его глаза расширились, зрачки стали огромными, черными, как бездонная ночь. Он ждал.

А я, глупая, растерянная, напуганная до смерти, сидела на полу и перебирала в голове все имена, которые приходили мне в голову. Мерлин. Артур. Ланселот. Гавейн. Нет, это все из легенд. Может, его звали как-то по-другому?

— Ты говорил мне, — прошептала я, вспоминая один случай. — Ты говорил мне, когда я в первый раз назвала тебя Мерлином, ты странно на меня посмотрел. Ты тогда сидел на моем кухонном столе, и я сказала: «Мерлин, ты прекрасен». А ты посмотрел на меня так, будто я что-то вспомнила. Будто я сказала слово, которое ты ждал.

Мерлин дернул ухом. Он дернул ухом и сделал шаг вперед, упираясь передними лапами в мои колени. Его дыхание стало частым, рваным, и я поняла, что он волнуется. Мой древний, мудрый, бессмертный кот волновался, как ребенок перед первым днем в школе.

Я закрыла глаза. Я погрузилась в темноту, в ту самую темноту, где не было места страху, и начала говорить слова, которые не понимала. Они вырывались из моего горла сами собой, как песня, которую ты знаешь, но не помнишь, где слышал.

— Айлин, — сказала я. — Айлин из клана серебряного тумана. Тот, кто стоял у врат, когда мир делился на две части. Тот, кто видел, как звезды падали на землю, и кто собрал их осколки, чтобы сделать чашу. Тот, кто был воином и магом. Тот, кто был братом моей души в семи жизнях. Твое имя — Айлин. Я называю тебя Айлин. Я возвращаю тебе твой голос.

Комната взорвалась светом.

Я не преувеличиваю. Она действительно взорвалась светом — белым, ослепительным, пронизывающим каждую клеточку моего тела. Свеча на подоконнике вспыхнула ярче солнца, а затем погасла, оставив нас в полной темноте.

А затем Мерлин заговорил.

Его голос был глубоким, как колодец, в котором никогда не пересыхает вода. Он был старым, как горы, и молодым, как весенний ручей. Он исходил не из его рта — нет, из воздуха вокруг нас, из самого пространства, которое вдруг стало плотным и звонким.

— Ты произнесла его. Ты произнесла мое имя, — сказал голос, и в нем слышалась улыбка. — Прошло пятьсот лет, Эмма. Пятьсот лет, три месяца и двенадцать дней. Я считал каждый день. Я ждал, когда ты вспомнишь. Я ждал, когда ты произнесешь это слово, потому что без него я был нем, как камень, и беспомощен, как щенок. Ты вернула мне голос. Ты вернула мне надежду.

Я открыла глаза. В темноте горели только глаза Мерлина — два янтарных фонаря, в которых плясали золотые искры.

— Ты можешь говорить, — констатировала я, и мой голос был просто ошарашенным, без капли драматизма, потому что драма закончилась, когда я поняла, что мой кот — древний маг. — Ты говоришь. Как... как это работает?

— Ты дала мне имя, — ответил голос. — Ты соединила мою суть с этим телом. Раньше я был заточен, и моя сила была заперта в этом зверином обличье. Теперь она освобождена. Я могу говорить. Я могу помогать тебе. Я могу защищать тебя.

— От чего? — спросила я, и в этот момент я была готова услышать что угодно. Инопла-
нетное вторжение? Апокалипсис? Возвращение Дэвида?

— От того, что убило тебя в прошлой жизни, — сказал Мерлин. — От того, кто все еще здесь. В Истбридже. Он ждет тебя. Он знает, что ты пришла. Он знает, что у тебя есть книга. И он сделает все, чтобы забрать ее у тебя. Потому что в этой книге — ключ к его гибели.

Я судорожно сглотнула.

— Кто «он»?

Глаза Мерлина моргнули.

— Тот, кто был твоим мужем. Тот, кто предал тебя. Тот, кто стоит за исчезновением мистера Грегори. Тот, кто, возможно, смотрит на нас сейчас из темноты.

Словно в ответ на его слова, за окном раздался звук. Протяжный, леденящий душу вой. Барни, пес миссис Макбрайд, завыл так, будто увидел призрака. Или что-то похуже.

Я вскочила на ноги, прижимая книгу к груди, как талисман. Мерлин — Айлин — остался сидеть на полу. Его голос, мягкий и спокойный, сказал:

— Не бойся. Он не войдет сюда. Здесь — священное место. Вдова, у которой ты снимаешь комнату, не знает, но ее дом стоит на древнем кургане. Здесь безопасно.

— А завтра? — спросила я. — Завтра, когда я пойду в кофейню?

— Завтра, — сказал Мерлин, — я буду с тобой. И мы начнем искать ответы. А пока — ложись спать, Эмма. День был долгим. Ты заслужила отдых.

Я посмотрела на него. На своего кота, который только что заговорил голосом древнего мага. На свою книгу, которая содержала тайну моего прошлого. На темноту за окном, где, возможно, прятался убийца из моего прошлого.

Я легла на кровать, не раздеваясь. Я прижала книгу к себе, как плюшевого мишку, и закрыла глаза. Мерлин запрыгнул на одеяло и устроился у меня в ногах. Его тело было теплым, привычным, домашним. Но теперь я знала: под этой шерстью — не просто кот. Под этой шерстью — свидетель семи королевств, мой страж и, возможно, моя единственная надежда.

— Айлин, — прошептала я, пробуя имя на вкус. — Красивое имя. Подходит тебе.

— Оно было моим, — ответил он у меня в голове. — Оно всегда было моим. И теперь я снова могу его носить. Спасибо, Эмма.

Я улыбнулась. Улыбнулась в первый раз за этот безумный день.

— Что было дальше? — спросила я, уже проваливаясь в сон. — После того, как я сгорела. Что случилось с тобой?

— Это долгая история, — сказал Мерлин. — И я расскажу ее тебе завтра. А сегодня — просто спи. И знай: я не подпущу к тебе никого, кто захочет причинить тебе зло. Клянусь своей честью и своей жизнью.

Это были последние слова, которые я услышала перед тем, как провалиться в глубокий, черный, без сновидений сон.

И в этом сне я снова видела ту женщину в плаще. Она стояла на костре. Она смотрела на меня. И она улыбалась. Она улыбалась, как будто знала, что все будет хорошо. Как будто знала, что однажды она вернется. Как будто знала, что я — это она.

На следующее утро я проснулась от того, что Мерлин, сидя на подушке у моего лица, лизнул меня в нос. Его язык был шершавым, как наждачная бумага, и я подскочила, как ужаленная.

— Доброе утро, — сказал его голос у меня в голове. — У нас много дел. Завтрак, кофе и охота на того, кто охотится на нас.

Я потеряла глаза. Солнце светило в окно, и Истбридж казался таким же тихим и идиллическим, как и вчера. Но я знала правду. Под этой тишиной скрывался страх. Под этой красотой — древние тайны.

А в моей жизни, кроме всего прочего, теперь был говорящий кот.

Боже, как же я по этому скучала.

— Пошли, — сказала я, вставая и поправляя кофту. — Я хочу круассаны. И я хочу знать, кто такой мистер Грегори на самом деле.

— Это будет долгий день, — предупредил Мерлин, грациозно спрыгивая с кровати.

— Я знаю, — ответила я. — Но с тобой, Айлин, я готова ко всему.

Мерлин — мой кот, мой страж, мой древний друг — одобрительно моргнул и направился к двери, помахивая хвостом, как знаменем.

И мы начали наш день. Потому что приключения в Истбридже только начинались.

Глава 3. Первый клиент

Знаете, в чем заключается главная проблема всех великих планов? В том, что они рушатся при первом же столкновении с реальностью. Я планировала открыть свою кофейню в девять утра. Я планировала, что у меня будет идеально вымытый пол, свежие круассаны из местной пекарни и аромат эспresso, который разносится по всей Кирпичной улице, заставляя прохожих сворачивать с пути и толпиться у моей двери, как голодные пингвины у проруби.

Реальность, как обычно, посмеялась над моими планами и плюнула мне в душу.

Во-первых, в кофейне не было воды. Вообще никакой. Я крутила кран, стучала по трубам гаечным ключом, который нашла в кладовке, и даже попыталась поговорить с трубами ласково, как с капризным ребенком («Ну пожалуйста, дай мне хотя бы капельку! Я обещаю мыть тебя каждый день!»), но трубы остались глухи к моим мольбам. В итоге я плюнула на гигиену и решила, что кофе буду варить на бутилированной воде, которую купила в ближайшем магазинчике.

Во-вторых, круассаны. Местная пекарня, которую мне порекомендовала миссис Макбрайд, оказалась закрыта. На двери висела табличка: «Закрыто по семейным обстоятельствам». Я подозревала, что эти «семейные обстоятельства» — просто повод не вставать раньше десяти, потому что в Истбридже вообще никто не торопился. Люди здесь двигались с такой скоростью, будто время текло не для них, а где-то отдельно, за пределами городской черты.

В-третьих, я совершенно забыла купить молоко.

И вот я стояла посреди своей кофейни, которая пахла пылью, старым деревом и моим разочарованием, и смотрела на кофемашину, которую я привезла из Лондона. Это была моя гордость, моя радость, моя итальянская красавица, которую я купила на последние сбережения. Она сияла хромом и выглядела как космический корабль среди этого викторианского хлама. Я включила ее, и она заурчала с таким обещанием, будто вот-вот выдаст мне идеальный капучино.

— Ну, — сказала я, поворачиваясь к Мерлину. — День начинается. У нас нет воды, нет круассанов, нет молока, но у нас есть кофе, вера в человечество и ты. Думаю, этого достаточно.

Мерлин — Айлин, как я теперь знала его настоящее имя, но на людях продолжала называть Мерлином, потому что «Айлин» звучало слишком... по-магически, и я боялась, что кто-то услышит и подумает, что я свихнулась, — сидел на подоконнике и смотрел на улицу. Его голос в моей голове, который появился после того, как я произнесла его настоящее имя, был спокоен и немного насмешлив.

«Ты забыла молоко. Ты забыла круассаны. Ты забыла проверить трубы. Но ты не забыла кофе. Это уже прогресс, Эмма. В прошлой жизни ты была гораздо более организованной. Ты никогда не забывала про молоко. Ты вообще была перфекционисткой. Видимо, смерть на костре немного расслабила твои стандарты».

— Ой, заткнись, — сказала я беззлобно, протирая стойку тряпкой, которая, кажется, была той же самой, что и в прошлой жизни. — Если бы я была перфекционисткой, я бы точно не подобрала на помойке кота, который оказался древним магом с комплексом бога.

«Я не комплекую, — парировал Мерлин. — Я просто знаю себе цену. Это разные вещи».

Я хотела ответить какой-нибудь остроумной колкостью, но в этот момент дверь моей кофейни открылась.

Звук был таким, будто кто-то с силой ударил по старому дереву, и я подпрыгнула на месте, чуть не уронив кофейную чашку. Сердце забилося где-то в горле, потому что я была абсолютно не готова к посетителям. У меня не было вывески. У меня не было меню. У меня не было даже нормального стула — все они ждали реставрации в углу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.